

2. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000. 188 с.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. 312 с.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Современная городская коммуникация: тенденции развития : (На материале языка Москвы) // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996. С. 345–381.
5. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999. 396 с.
6. Летучий А.Б. Диалектные тексты в Национальном корпусе русского языка: принципы представления и разметки // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 44–49.
7. Летучий А.Б. Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 215-233.
8. Матвеева Т.В. Непринужденный диалог как текст // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 125-140.
9. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999. 207 с.
10. Савчук С.О. Метатекстовая разметка в национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 62-88.
11. Сиротинина О.Б. Тексты, текстoids, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994. С. 105-124.

Г.Н. Манаенко

ЗНАЧЕНИЕ И ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ВЫРАЖЕНИЯ: ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ставропольский государственный педагогический институт

В гуманитарных науках существует разное понимание содержания термина “значение”: если психолог относит к объектам сознания прежде всего “предметные” значения, то для лингвистов – это прежде всего словесные значения, причем, данные значения оказываются соотносительными. В этой связи А.А. Леонтьев пишет: “Каким образом значение слова “стол” связано со значением реального стола, представленному нашему сознанию в виде образа того или иного рода или приписываемого нами такого образа. Как философ я могу ответить: этот образ ни в коей мере не знак, но какой-то вид идеального объекта, спроецированный на реальный объект, слитый с ним субъективно в единое целое (“удвоение” предмета, по Выготскому). Как

лингвист я отвечаю: слово “значение” имеет два значения — более узкое (собственно языковое значение) и широкое (языковое *плюс* предметное значение). В некоторых ситуациях мы ошибочно отождествляем языковое значение с предметным, и наоборот” [6, 126]. Внесем существенную, на наш взгляд, поправку: во-первых, здесь нет отношения включения между “значениями”, поскольку, согласно положению Л.С. Выготского, всякое “наше восприятие имеет значение... Значение предмета не есть значение слова...” [2, 193]; во-вторых, “языковое” значение слова и любого другого языкового выражения в свою очередь также представляет соотношенность “предметного” значения слова как вещи и “знакового” значения слова как знака. Раскроем данное положение.

Предметное значение относится к абстрактным объектам из рода гносеологических объектов, это идеальный представитель концепта как всего “объема” того, что мы знаем, чувствуем, переживаем по поводу того или иного эмпирического perceptивного объекта или абстрактного. При этом “гносеологический образ” — “есть субстантивация идеального качества сознания в рамках эпистемологии; в рамках же семиотики гносеологический образ — презентант, опять-таки характеризующий феномен сознательного, ибо в природе презентации нет, есть лишь замещение, к которому презентация не сводится, описывая лишь мир человеческой культуры со стороны смысла” [9, 54]. Поскольку значение не дается нам в ощущениях, понятие “значение”, равно как и “знак” может характеризовать познание и коммуникацию в качестве семиотических ситуаций, актов семиозиса. Значение как идеальный представитель объекта познания, вид гносеологического образа направлено на свой объект, “привязано” к своему референтному уровню. Вопрос заключается в том, что выступает в качестве объекта, чем является “референциальный” уровень — миром эмпирических объектов или миром абстрактных объектов, в последнем случае перед нами значение знака: “... гносеологический образ, который стал значением знака (и не обязательно лингвистического), имеет интенцию “ломаной траектории”: направление соответствия (совпадения) у него тоже на объект, который в акте семиозиса предстает как репрезентант, денотат, сигнификат, номинат и пр., но *через знак*” [9, 56].

Так как утверждения Э.А. Тайсиной в отношении значения конституируются на принципе представления, с одной стороны, но при этом не ограничиваются эмпирические объекты-знаки от незнаков, с другой, становится понятным, как может сформироваться знаковое значение на основе незнакового (просто гносеологического образа, по Э.А. Тайсиной), как, например, “квартира” может стать знаком социального положения ее хозяина. “Представление” как свойство

идеальной формы вещи не есть специфическая черта собственно знака, поскольку идеальная форма вещи как знака содержит представление иной вещи (предмета, явления, процесса). Любая идеальная форма может рассматриваться как единство плана выражения (объективированный субстрат) и плана содержания (представления о данной вещи). При этом в план содержания не включается вся концептуальная структура (совокупность знаний, умений, отношений и т.п.), но проявляется, презентуется в той степени, в какой она обусловлена конкретной ситуацией жизнедеятельности.

Таким образом, становится правомерным нахождение в одном ряду “денотата” и “сигнификата”, как и распространение следующего положения Э.А. Тайсиной на все значения: “Механизм превращения ощущения (восприятия, представления) в понятие, гносеологического образа – в значение знака мы называем *сигнификативным лифтом*. Возвышение степени абстрактности и обобщенности сопровождается отсечением затемняющих, случайных, экзотических одиночных средств и сторон объекта, *пресциссией* (термин Ч.С. Пирса)” [9, 57]. На этом основании можно заключить, что предметным значением (идеальной” стороной) “вещи” выступает представление какого-либо свойства, качества, отношения данного эмпирического объекта. В случае знака (и это не требует доказательств) представляется не данный эмпирический объект, а другой, иная “вещь”. В этой связи А.А. Леонтьев пишет: “Идеальная сторона знака несводима к субъективному представлению субъекта о содержании знакового образа (“предметного” значения знака – Г.М.), но она не есть и та реальная предметность, те действительные свойства и признаки предметов и явлений, которые стоят за знаком (квазиобъектом)” [6, 37].

Итак, все вещи как идеальные формы опосредованы значением, которое выступает в сознании индивида в качестве доступа к концептуальной схеме индивида, с одной стороны, и основы формирования мысли, с другой. Может быть, с учетом данной особенности значения Э. Левинас и проводил разграничение между собственно “мыслью” и “сигнификацией”. Это значит, следуя феноменологической традиции, что глубинная сущность сигнификации – идеальный акт, сопряженный с использованием материальных средств. Сознание обретает большую устойчивость после “опосредующего вмешательства тела, которое говорит или пишет” [8, 79]. Сигнификация, или сигнификационный лифт, как идеальный акт состоит в видоизменении гносеологического образа с помощью его редукции к одному или нескольким признакам, определяющим “направление совпадения” (придающим “связность”, по Ч.С. Пирсу) и находящим материальное представление, т.е. становящимся тем самым значением. И если идеальное во многом характеризует происхождение сознания,

его природу (со-знание), т.е. является его онтологическим признаком, то “удвоение мира” — это подчеркивание признака представления, репрезентативности, который характеризует “работу” сознания и является его функциональным признаком: идеальные формы сознания могут выступать в функции значений. Репрезентативность как сущностная черта идеального при соответствующих гносеологических интенциях может стать “множителем” моего мира.

Так, Е.С. Кубрякова, обосновывая семиотическую заданность когнитивных исследований, пишет: “Мы реально живем в мире вещей и взаимодействуем с людьми вокруг нас. Мы тоже живем в мире языка, который предлагает нам увидеть и понять мир в терминах уже означенной и ословленной действительности. Но мы живем тоже и в мире знаков” [3, 33]. На наш взгляд, в данном определении слишком много миров: мы живем в мире вещей, но ориентируемся в нем с помощью своих представлений об этом мире. Знаки же, в том числе языковые, координируют наши концептуальные схемы. Три мира — лишь метафора. Знаки — те же вещи “мира вещей”. Следовательно, знак как “вещь” обладает своим предметным значением, которое основывается на эквивалентности, отношение же между означающим и означаемым вещи, ставшей знаком, бесспорно, основывается на импликации. Вторая сигнификация знака также социально закреплена, отображает не столько индивидуальный опыт, сколько социальный, и тем самым входит в со-знание, являясь при этом компонентом структур знаний индивидуальных концептуальных схем.

Таким образом, в отличие от других идеальных форм, знаки представляют двухуровневое образование с двойной сигнификацией. Принципиальное же отличие языка от других знаковых систем заключается, на наш взгляд, в том, что это не закрытая система “готовых” знаков, но система для порождения потенциально бесконечного количества знаков. Язык можно рассматривать как систему эмпирических объектов, предназначенную и только предназначенную для реализации знаковой функции на основе комбинирования своих элементов. Вне знаковой функции языковые выражения перестают существовать как идеальные формы, практически полностью теряя свое предметное значение (мы все-таки способны отличить один бессмысленный звуковой комплекс от другого). Подчеркивая знаковость языка, В.М. Лебедев пишет: “Значение, выполняя указательную функцию, соотносит звуковой комплекс с понятием, которое тем или иным способом существует вне и помимо знака, и при этом, возможно, возникает в сознании носителей языка еще до того, как они конвенционально закрепили за данным понятием особый звуковой комплекс” [5, 60].

Чтобы снять неизбежные в силу научной традиции возражения к форме данного положения, заменим в нем термин “понятие” тер-

мином “концепт” и еще раз подчеркнем, что как смысловая структура, представляющая эмоции, переживания, знания о каком-либо явлении мира, концепт может быть не кодифицирован, но обязательно социален, являясь отображением отношений “лик-к-лику”, по Э. Левинасу: “Первосущность языка заключается не в его “телесности”, “воплощенности”, а в репрезентации значения” [8, 79].

“Направление совпадения” как вектор сигнификации также принципиально отличает язык от других знаковых систем. У. Эко в этой связи замечает: “...стойки не говорят еще, что слова – это знаки (в лучшем случае они говорят, что слова служат носителями типов знаков)... Можно было бы сказать за стойков, вместе с Лотманом, что язык – это первичная моделирующая система, через которую получают выражение также другие системы” [10, 35].

Практически все исследователи отмечают, что язык как знаковая система в своем применении оказывает на нас глубокое и сильное воздействие не только потому, что языковые выражения влекут за собой изменение нашего поведения, но и изменение наших концептуальных схем: “Усваивая язык, мы усваиваем не только отдельные знаки – мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы ценностей. Все, что не дано нам в непосредственном чувственном опыте, может быть достигнуто через языковое описание. Именно так мы овладеваем и знаниями предыдущих поколений, и многими теоретическими или же научными сведениями о мире” [3, 33]. Уточним, усвоение языка в данном случае не означает владение языком как системой, мы формируем свои знания не только с помощью языка. Но можно полностью согласиться с утверждением Э. Левинаса, что язык есть переход от индивидуального к всеобщему, поскольку он передает “другому” то, что есть глубинно “мое”, и говорить (писать) – означает создавать общий мир, закладывая фундамент для взаимодействия. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае под “значением” имеется в виду предметное значение языковых выражений, благодаря которому и осуществляется “указание”. Структуры же знаний, к которым обеспечивается таким образом “доступ”, и есть означаемое языкового выражения как знака.

Предметное значение языкового выражения кодифицировано в “направлении совпадения” как общепринятой апелляции к определенной области смыслов концептуальной схемы, а также в плане формирования определенного типа мысли как движения и столкновения смыслов. Предметное значение языкового выражения указывает на те смыслы, которые традиционно актуализируются в коммуникации, тем самым закрепляясь за ними (ср., выражение “стоит за словом”), “растворяясь” в них. Это “ближняя”, наиболее частотная и актуали-

зированная зона смыслов, так называемое ближайшее значение мыслительного содержания, по А.А. Потебне. Апелляция к тем или иным смыслам концептуальной схемы сознания (со-знания), ее направление определяется целями и задачами коммуникации и типом дискурса (ср., “вода” — питье, сырость, химический элемент, несущественная информация, свободное или большое водное пространство и т.п.). Значение языкового выражения апеллирует не к одному смыслу, но конфигурации смыслов в различных структурах знания, которые идеальны, т.е. принадлежат со-знанию, но могут частично включать индивидуально-личностные смыслы.

Значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов устанавливают параметры концептуализации мира определенным социумом, но не являются собственно формируемыми концептами. Иначе говоря, предметные значения языковых выражений устанавливают границы содержания (означаемого) концептов со-знания каждого члена данного социума, ассоциируемые с языковым знаком. Соответственно, предметные значения языковых выражений устанавливают и приоритеты познавательной деятельности в жизни некоторого сообщества.

Надо отметить, что “когнитивный” аспект значения языкового выражения почти повсеместно понимается как “содержание” мысли (при этом мысль — это просто любая ментальная сущность), “коммуникативный” же аспект значения — это способность языковой единицы быть средством общения (значимым компонентом сообщения). Поскольку предметное значение слова как эмпирического объекта практически элиминируется, замещаясь (вот уж, где действительно происходит “замещение”!) знаковым, причем, последнее трактуется или как денотат (вещь), или как сигнификат (представление о вещи), коммуникативный аспект значения, по своей сути процессуальный, “выпадает” из так понимаемого значения, и в результате становится возможной не только абстрактная операция разделения лексического и грамматического значений слова как единицы языка, но и трактовка слова как самостоятельного знака, статической единицы “информации”.

Однако то, “что обычно понимается под языком, в частности, система грамматических (сколь угодно широко понимаемых) средств, оказывается одной из возможных систем операторов, обеспечивающих адекватное функциональное использование этих значений — в данном случае для коммуникативных целей. Язык в этом смысле — не прагматическое орудие, а в первую очередь система ориентиров, необходимая для деятельности в окружающем нас вещном и социальном мире. Используем ли мы эту систему для собственной ориентировки или обеспечиваем с ее помощью ориентировку других лю-

дей – вопрос не столь принципиальный. Ведь коммуникация, общение – в первую очередь не что иное, как способ внесения той или иной коррекции в “образ мира” собеседника, необходимой для согласования мотивов, целей, средств при совместных действиях с ним” [6, 265].

Понимание языка как системы ориентиров, на наш взгляд, деавуирует теоретические трактовки языка как системы готовых знаков, поскольку лишает языковой знак (слово) “содержания” как означаемой области представлений о мире, позволяя тем самым более строго определить сущность значения такой языковой единицы, как слово, на основе соотношения его предметного значения, обусловленного свойством презентации, и знакового, вызванного потребностями репрезентации, собственно указанием на область актуализированных смыслов. Значение как означаемое не находится “внутри” слова, не выражается им: “Значение (означаемое как конфигурация смыслов – Г.М.) – факт сознания. ... При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи: знаки нельзя считать носителями значений в том смысле, что значения не заключены в них. ...знаки не несут и не передают значения (это метафоры) от одного человека другому, а индуцируют тождественные или сходные значения (по Ч.С. Пирсу, интерпретанты – Г.М.), возбуждают аналогичные информационные процессы в двух сознаниях” [7, 16]. С помощью предметного значения (единство представления и грамматических значений) языковые выражения координируют содержание концептуальных схем индивидов.

Общение – двусторонний процесс порождения и понимания речи как области взаимодействия. Ср.: по М.М. Бахтину, понимание текста “есть правильное отражение отражения. Через чужое отражение к отраженному объекту” [1, 484]. Но речевое общение – это не просто апелляция к определенным конфигурациям смыслов, но прежде всего порождение мыслей как действий. В таком случае можно утверждать, что если слово – апелляция к смыслу (знанию как определенному результату “прошлых” мыслей), то коммуникативная единица языка – это апелляция к мысли (непосредственно протекающему процессу движения знаний и представлений о мире). Различные типы предложений и других синтаксических конструкций, укорененные в языковой системе, – это своеобразные инструкции по порождению типов мыслей. “Сущностью языка в таком случае оказывается “отношение к Другому” и оно не приклеивается к “внутреннему монологу”, как адрес на посылку или этикетка на готовое изделие, но сущностно включает себя “радостное приятие бытия, отраженное на нашем лице, этическое событие социальной реальности”. Эти моменты изнутри управляют дискурсом” [8, 80].

Минимальной содержательной единицей речи является высказывание, соотношенное с психологической категорией действия и организованное на базе предложения как единицы языка. Содержательным высказывание считается потому, что именно высказывание, но не отдельно произнесенное слово выполняет знаковую функцию, т.е. выступает как знак, способный индуцировать “сходное” содержание отображаемых мыслей. Но “... функции высказывания и целого текста связаны не просто с речевой деятельностью в той или иной конкретной ситуации, а с внутренней организацией процесса общения, понимаемого как одна из сторон социального взаимодействия людей” [6, 221]. Способность быть знаком, организовывать взаимодействие индивидов, выступать средством для изменения психологических состояний общающихся и трансформации их концептуальных схем дала основания считать, что знания, предназначенные для “передачи”, должны быть концептуализированы в языковых формах, приобретающей тем самым качество “информации”.

При этом “языковая” информация интериоризируется и реинтерпретируется в виде ментальных репрезентаций. Отсюда следует положение, что “ментальная информация имеет отношение к различным ментальным пространствам, содержание которых могут составлять как сведения о реальном мире, так и о планах, убеждениях, интенциях и т.п.” [4, 37]. Таким образом, получая статус реального социально-когнитивного феномена, информация онтологизируется, а языковые выражения становятся “кусочками” информации, которыми можно обмениваться как материальными предметами. Как считает А.В. Соколов, интеллектуализация общества и материального производства, развитие средств массовой коммуникации, имитирование техническими средствами умственных операций, повышение значимости духовных ценностей привели к отождествлению информации и знания, информационных и познавательных процессов, информационной деятельности и умственного труда. Вследствие этого появились различные “виды” информации, возможность “приклеивания” к информации различных эпитетов.

Считается, что “концептуальная информация возникает в процессе осмысления всей поступающей по разным каналам информации и может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о возможных мирах и положении дел в них” [4, 37]. Из всех “видов” информации как онтологической сущности “концептуальная” информация, на наш взгляд, наиболее приемлема, поскольку не только позволяет интерпретировать человека как носителя информации, подобно пирсовской трактовке человека как знака и как мысли, но и подчеркивает деятельностную природу информации — “осмысление”. Латинское слово *in-formo* (придавать вид, фор-

му, формировать, создавать, делать), являющееся “внутренней формой” слова информация, вскрывает суть информационной деятельности человека, прежде всего включающей определенные, связанные с языковыми выражениями операции по обработке, реинтерпретации и трансформации концептов и в целом концептуальных схем как структур знаний и представлений человека о мире.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
2. Выготский Л.С. Из неизданных материалов Л.С. Выготского // Психология грамматики. – М., 1968. С. 178-196.
3. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 28-34.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
5. Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. – М.: “Эдиториал УРСС”, 1998.
6. Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО “МОДЭК”, 2001.
7. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высш. шк., 1988.
8. Портнов А.Н. Сознание, личность, язык в философии Э. Левинаса // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. С. 71-82.
9. Лотвина Э.А. Некоторые концептуальные дополнения к исследованиям проблемы значения // Философия языка и семиотика. – Иваново, 1995. С. 53-62.
10. Эко У. Семиотика и философия языка // Проблемы общего языкознания. Вып. 1: Языковой знак. Сознание. Познание: Хрестоматия / Под редакцией А.Б. Михалева – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. С. 17-56.

А.Ф. Гершанова

МЕТАЯЗЫКОВАЯ ФУНКЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ СИГНАЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

*Московский государственный открытый педагогический университет
им. Шолохова, Стерлитамакский филиал*

Многогранность и разноплановость художественного текста и постоянный рост научных знаний определяют новые позиции в исследованиях, составляющих основу лингвистики текста, направленных в сферу коммуникативных начал. В процессе восприятия художественный текст оказывается погруженным в ситуацию реального общения,